

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.16

Правильная ссылка на статью:

Володенков С. В. Влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественно-политические процессы: сценарии, вызовы и акторы // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 341—364. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.16>.

For citation:

Volodenkov S. V. (2019) Influence of Internet communication technologies on contemporary social and political processes: scenarios, challenges, and actors. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 341—364. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.16>.

С. В. Володенков

ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЙ НА СОВРЕМЕННЫЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ: СЦЕНАРИИ, ВЫЗОВЫ И АКТОРЫ

ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЙ НА СОВРЕМЕННЫЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ: СЦЕНАРИИ, ВЫЗОВЫ И АКТОРЫ

INFLUENCE OF INTERNET COMMUNICATION TECHNOLOGIES ON CONTEMPORARY SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES: SCENARIOS, CHALLENGES, AND ACTORS

ВОЛОДЕНКОВ Сергей Владимирович — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственной политики факультета политологии, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
E-MAIL: s.v.cyber@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0003-2928-6068>

Sergey V. VOLODENKOV¹ — Doctor of Political Science, Professor, Chair of State Policy, Faculty of Political Science
E-MAIL: s.v.cyber@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0003-2928-6068>

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Аннотация. В статье рассматривается влияние технологических трансформаций в сфере интернет-коммуникаций на общественно-политические процессы. Автор обосновывает положение, что технологические изменения в цифровой информационно-коммуникационной среде имеют ярко выраженные социальные и общественно-политические эффекты, а также непосредственным образом влияют на форматы взаимодействия государственных институтов власти и общественных групп. В работе показано, что сетевые сообщества в ряде случаев могут превращаться в виртуальные институты воздействия на власть, которые за счет своей информационно-коммуникационной активности в интернет-пространстве способны успешно агрегировать и артикулировать интересы своих сторонников, а также влиять на общественно-политическую повестку в целом. Автор делает вывод о существенных различиях традиционного пространства массовых коммуникаций и пространства социальных медиа, что позволяет констатировать переход от традиционного феномена массы к феномену множества социально дифференцированных сетевых сообществ, а также возникающих на их основе локальных гиперсообществ. Также в статье поднимается проблема формирования общества цифрового паноптикума, в рамках которого политический контроль над гражданами осуществляется со стороны политических элит на основе использования сбора и анализа цифровых следов пользователей в сетевом пространстве, а также создания персональных информационных капсул, учитывающих субъективные особенности конечных реципиентов,

Abstract. The article considers the influence of technological transformations in the Internet communications on social and political processes. The author substantiates the proposition that technological changes in digital communication environment have pronounced social and political effects and greatly shape the forms of interaction between government institutions and social groups. The paper shows that in a number of cases network communities can turn into virtual institutions affecting the authorities which, at the expense of their information and communication online activities, are capable of aggregating and articulating the interests of their adherents and influence social and political situation on the whole. The author concludes that there are considerable differences between the traditional mass communication space and the social media space which points to a transition from the traditional phenomenon of mass to a variety of socially differentiated networks which give rise to local hyper communities. The article also raises the problem of digital Panopticon society where political control over citizens is performed by political elites based on the collected digital traces left by users in the online environment, and by creating personal information capsules that take into account subjective specifics of the final recipients. This helps form a substantial manipulative potential in social and political communications. According to the study findings, differentiation of social groups in terms of their information consumption and formation of critically different models of social and political reality may entail high risks.

что позволяет формировать значительный манипулятивный потенциал в сфере общественно-политических коммуникаций. По итогам проведенного исследования в работе делается заключение о возможных рисках существенной дифференциации различных общественных групп в разрезе структуры их информационного потребления и формирования принципиально различных по своему смысловому наполнению моделей социально-политической реальности.

Ключевые слова: сетевые сообщества, BigData, интернет-коммуникации, массовое сознание, цифровая политика, эхокамеры

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31335

Keywords: network communities, Big-Data, Internet communications, mass consciousness, digital politics, echo chambers

Acknowledgments. The study was funded by Russian Foundation for Basic Research and Expert Institute for Social Studies (project No. 19-011-31335).

Операционализация проблемы

Интенсивное развитие средств, технологий и механик массовой коммуникации в интернет-пространстве вызывает существенные изменения и в традиционной системе общественно-политических отношений, заставляя исследователей и специалистов по-новому оценить классические теории, подходы и модели к осуществлению политической коммуникации в условиях информационного общества, которое в значительной степени становится цифровым.

Трансформация технологий коммуникации во многом оказывает влияние и на трансформацию традиционных механизмов распределения власти в современных государствах, изменяя форматы взаимоотношений в системе «государство — общество», в рамках которых меняются не только параметры взаимодействия различных политических акторов, но также появляются и новые неинституциональные субъекты политических отношений. Применительно к данному тезису нам близка позиция основателя Торонтской школы коммуникативистики Гарольда Инниса, считавшего, что изменения в доминирующих в обществе технологиях коммуникации напрямую определяют и форматы функционирования государственных политических систем и режимов [Innis, 1972; Innis, 1999].

Все это приводит нас к необходимости глубокого и комплексного анализа происходящих технологических изменений в информационно-коммуникационной сфере в аспекте их влияния на традиционные общественно-политические

процессы, а также выявления новых вызовов, рисков и угроз, связанных с технологизацией и цифровизацией системы массовой общественно-политической коммуникации.

Масса vs сетевые сообщества

В первую очередь отметим изменения, связанные с формированием новых виртуальных пользовательских структур, имеющих отличия от традиционного феномена массы.

Классическое понятие массы (несмотря на в целом полисемичный характер данного феномена в общественных науках) во многих концепциях (например, Х. Арендт, Э. Ледерера, Ж. Бодрийяра) предполагает, что она не представляет из себя сколько-либо структурированного целостного образования и отличается высокой степенью изменчивости, ситуативностью своего существования. Масса — это аморфное образование и молчаливое большинство. При этом, по мнению Ханны Арендт, масса образует большинство из огромного количества нейтральных, политически равнодушных людей [Арендт, 1992].

Однако в условиях возникновения и функционирования значительного числа виртуальных сетевых сообществ, характеризующихся наличием устойчивых горизонтальных коммуникативных связей между их участниками, представления о массе как таковой сами по себе во многом требуют актуализации своего традиционного содержания и измерения, в первую очередь в таких аспектах, как наличие структурных связей между индивидами, степень однородности и формы потребления общественно-политической информации.

Неслучайно многие специалисты предпринимают попытки рассмотрения существующих в интернет-пространстве сообществ в новом ключе. Так, М. Хардт и А. Негри рассуждают не о массе, но о множественности, считая, что, в отличие от массы, множество внутри неоднородно — оно обладает внутренними различиями, которые, тем не менее, позволяют действовать сообща. При этом множество текуче, детерриториализовано и мобильно [Hardt, Negri 2004].

Наличие структурных взаимосвязей в сетевом пространстве само по себе противоречит классическим представлениям о массе как совокупности изолированных друг от друга индивидов, потребляющих информацию по каналам вертикальной асинхронной коммуникации. При этом данные структурные взаимосвязи и сопряжения между участниками сетевых сообществ предполагают их определенную устойчивость во времени. Анализ актуальной практики интернет-коммуникаций, на наш взгляд, подтверждает данный тезис: на сегодняшний день существует значительное число сетевых сообществ, имеющих не только длительную историю своего существования, но и миллионы лояльных участников.

Помимо этого, способность сетевых пользователей коллективно потреблять, воспринимать, интерпретировать общественно-политическую информацию, а также формировать коллективные ответные реакции и артикулировать общие позиции по ее поводу без институциональных посредников в лице партий и общественно-политических организаций становится одним из ключевых параметров, позволяющих провести различие между традиционными концептами массы (предполагающими аморфность, неструктурированность и индивидуальное потребление

ние информации) и виртуальными сообществами, обладающими собственной информационно-коммуникационной структурой.

В этой связи следует отметить, что, в отличие от представителей классической массы, представители сетевых сообществ выступают не только реципиентами общественно-политической информации, но и ее распространителями, инициаторами горизонтальной коммуникации, генераторами собственного общественно-политического контента, а также интерпретаторами контента информационных сообщений в интернете. В подобных условиях «умная цифровая толпа» не может быть интерпретирована нами как аналог равнодушной, политически нейтральной аморфной массы.

Более того, сам процесс потребления общественно-политической информации становится, по нашему мнению, формой социальной активности. Инструментальные и технологические возможности, предоставляемые современными цифровыми онлайн-ресурсами (и, особенно, ресурсами социальных медиа), позволяют пользователям не только потреблять определенный контент, но и активно влиять на его восприятие другими людьми.

В первую очередь речь идет о возможности посредством собственной комментарийной активности задавать вектора восприятия содержащейся в сообщениях информации другими пользователями. Иными словами, не только и даже не столько контент сообщения становится наиболее значимой компонентой информационно-коммуникационного взаимодействия, сколько комментарийная активность пользователей, при помощи которой создаются эффекты «общественной реакции», «общественной позиции», «общественной оценки» того или иного общественно-политического события или процесса.

Даже максимально объективное и нейтральное по своему содержанию сообщение может быть проинтерпретировано в совершенно ином ключе посредством стихийной или управляемой комментарийной активности. Мнение пользователей, высказывающих свою позицию в комментариях, самым непосредственным образом начинает оказывать влияние на тех участников интернет-коммуникации, которые имели нейтральные представления (либо не имели их вообще) до момента прочтения публикации.

Пользовательские комментарии и субъективные позиции индивидов начинают играть активную роль в процессах смещения и искажения изначально заложенных в контент сообщения смыслов, позволяя нам констатировать значительное повышение манипулятивного потенциала информационно-коммуникационной деятельности в онлайн-пространстве (в свою очередь, такие механики социальных сетей, как Retweet, Like, Share и т. д., также позволяют влиять на уровень значимости и одобрения тех или иных сообщений и их вирулентность).

Более того, в отличие от форматов традиционной массовой коммуникации, изначальная смысловая нагрузка информационных сообщений может не быть конечной. Мы считаем, что итоговый смысл сообщения во многих случаях становится производной коллективного обсуждения смыслового контента сообщения, результатом влияния на него горизонтальных коммуникаций участников сетевых сообществ друг с другом.

В данном случае мы можем заметить, что классическая концепция М. ДеФлера, в соответствии с которой массовая коммуникация может оказывать убеждающее

воздействие, влияя на структуру личности и модели его поведения в интересах коммуникатора, приобретает новое звучание в аспекте возможностей влияния самоинициативных горизонтальных коммуникаций участников сетевых сообществ, которых мы не можем отнести к массе [DeFleur, Ball-Rokeach, 1989].

Здесь необходимо упомянуть и такой феномен, как эффект эхокамеры [Sunstein, 2001] — появление такой ситуации, в рамках которой участники сетевых сообществ выражают свое мнение в той среде, где это мнение уже поддерживается и одобряется, и подобного рода информационно-коммуникационное взаимодействие, по сути, многократно повторяется по кругу. Очевидно, что в подобной ситуации любые альтернативные версии и трактовки обсуждаемых процессов, явлений, событий просто не имеют шансов на выживание, а обсуждение не превращается в объективную критическую дискуссию с использованием альтернативных мнений, а сводится лишь к поддержке своих единомышленников.

Для того чтобы подчеркнуть в данном процессе наличие *информационной структуры* и соответствующего ей информационно-коммуникационного *пространства*, а не просто эффекта эхокамеры, о котором изначально писал К. Санстейн, мы намеренно вводим термин «информационная капсула».

Информационную капсулу можно определить как информационную структуру, в рамках которой циркулирующие в ее закрытом пространстве идеи, символы, смыслы, убеждения, мнения не изменяются за счет критического осмысления информации и восприятия альтернативных объяснительных моделей, а наоборот — лишь сохраняются, самоподдерживаются, закрепляются и даже усиливаются за счет многократного повторения, обсуждения, одобрения среди единомышленников.

Из подобной информационной капсулы участнику достаточно сложно выбраться. Причем мотивов и стимулов для этого попросту не возникает в силу социальной комфортности нахождения в ней наряду с такими же единомышленниками.

Так как сетевые сообщества социально дифференцированы по различным параметрам, эффект эхокамер только подкрепляется и усиливается, снижая подвижность групповых информационных капсул, обеспечивающих при помощи комментарийной активности интернет-единомышленников лишь укрепление ценностно-смысловых и символических каркасов [Petrov, Proncheva, 2018]. Неслучайно, по мнению К. Санстейна, основной опасностью эхокамер является то, что в ходе дискуссий единомышленники формируют все более радикальные позиции, а также демонизируют несогласных с их убеждениями людей.

В подобных условиях нетаргетированная массовая общественно-политическая коммуникация значительно теряет свою эффективность, а стратегия и тактика использования технологий убеждающей коммуникации существенно меняются.

В данном случае речь уже идет о задаче не столько осуществить непосредственное убеждающее воздействие в рамках информационно-пропагандистского влияния, сколько обеспечить привлечение пользователей к конкретным сетевым сообществам, капсулировать сознание пользователей в одной из существующих эхокамер, и уже после этого организовать таргетированное информационно-коммуникационное воздействие на целевую аудиторию, добровольно отсеченную от альтернативных моделей социально-политической реальности.

Следует отметить, что многие социальные медиа активно пользуются возможностями информационного капсулирования. Так, например, в социальной сети Facebook в ходе выборов президента США в 2016 г. новостная лента во многом представляла из себя именно информационную капсулу: если сам пользователь сети или его друзья ранее останавливали внимание на заметках о демократах, то в дальнейшем консервативной партии места в ленте не находилось. И чем больше человек читал таких записей, реагировал и делился, тем больше он получал новостной информации о демократах, отсекаясь от новостей о республиканцах.

Сетевые сообщества как виртуальные институты влияния на власть

Масштабные информационно-пропагандистские кампании выстраиваются на основе создания конкурирующих между собой в цифровом пространстве информационных капсул, привлечения и удержания в них значительного числа пользователей, являющихся представителями целевых аудиторий воздействия.

Такого рода информационные капсулы, функционирующие в большинстве случаев в формате сетевых сообществ, не являются закрытыми по отношению к внешнему пространству. Наоборот, они информационно активны, способны публично оказывать реальное общественное влияние и давление на различных акторов современных политических процессов, включая государственные институты власти.

В условиях эволюции интернета виртуальные по своей сути сетевые сообщества могут выступать в качестве институтов влияния (при этом не обязательно непосредственного прямого, но и «мягкого», а также опосредованного через «информационное заражение» активных граждан) на власть и представителей общественно-политической элиты. Яркой демонстрацией данного потенциала влияния может стать резонансный кейс Ивана Голунова, в рамках которого высокая активность множества сетевых сообществ позволила не только перенести разбирательство в публичное пространство и даже на уровень главы государства, но и определенным образом повлиять на конечный исход дела. Обратим внимание, что офлайн-активность в поддержку Ивана Голунова не сыграла, на наш взгляд, столь значимой роли.

Неслучайно в последние годы именно сетевые сообщества и ресурсы социальных медиа становятся одним из приоритетных объектов блокировки со стороны государств, видящих одну из серьезных угроз не столько в конкретных блогерах и классических средствах массовой информации, сколько в подобных институтах общественно-политического влияния на власть, способных оказывать воздействие на пространство публичной политики, будучи по своей природе сугубо цифровыми виртуальными конструктами.

В условиях современного общества активные и популярные блогеры и сетевые сообщества оказываются способными конкурировать с традиционными средствами массовой информации и формировать собственную повестку дня, оказывать значимое влияние на восприятие гражданами тех или иных резонансных событий, явлений и процессов, осуществлять виртуальную агрегацию и артикуляцию в цифровом пространстве интересов своих сторонников, а также мобилизацию сторонников в офлайн-пространстве.

Рис. 1. Единая символика ресурсов социальных медиа (Facebook, Twitter, LiveJournal, Instagram, «ВКонтакте»), активно выступавших в интернет-пространстве против экс-губернатора Санкт-Петербурга Г. С. Полтавченко и за его отставку с поста главы города

Открытая группа

Петербург без Георгия Полтавченко
Предлагайте конкретные действия по уходу Полтавченко с поста губернатора Санкт-Петербурга http://vk.com/topic-40395839_27603087

Описание: В нашей группе публикуются новости о жизни петербуржцев в городе под управлением Полтавченко Георгия Сергеевича. Только самая актуальная информация о деятельности губернатора Полтавченко и о том, как она сказывается на горожанах. Не дадим Георгию Полтавченко погубить наш Петербург!

ВСТУПАЙТЕ В ГРУППУ! ===>>>

Веб-сайт: <http://vk.com/protivpoltavchenko>

Местоположение: Санкт-Петербург

Обсуждения
9 тем

Каким должен быть губернатор Питера?
43 сообщения. Последнее от Георгия Куприянова, 10 фев в 20:21 →

План действий, направленных на уход Полтавченко с поста губернатора
39 сообщений. Последнее от Георгия Куприянова, 10 фев в 12:17 →

Добавить в закладки

Вступить в группу

Это открытая группа.

Участники
1 603 человека

Рис. 2. Пример протестного сетевого сообщества «ВКонтакте»

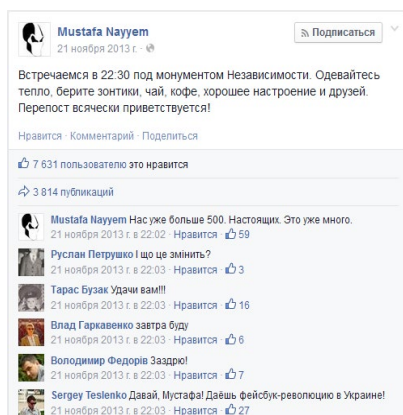

Рис. 3. Пример мобилизации пользователей Facebook за 30 минут до начала массовых акций протеста на Майдане в ноябре 2013 года.

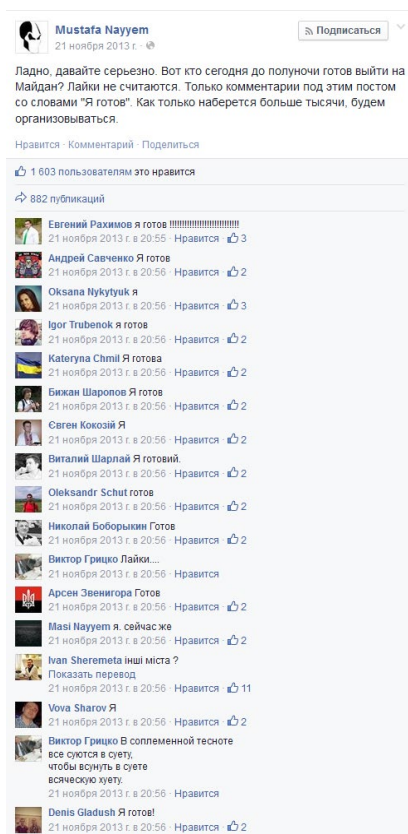

Рис. 4. Пример формирования атмосферы массовой готовности к выходу на улицы для участия в акциях протеста и мобилизации интернет-пользователей за 1,5 часа до начала событий на Майдане

Рис. 5. Пример протестной группы в Facebook “We are all Khaled Said”, активно привлекавшая и успешно мобилизовавшая на уличные акции протеста жителей Египта в 2011 г. в рамках организации цветной революции в стране.

К крупным сетевым сообществам мы относим и политические партии нового типа — онлайн-партии, функционирующие в сетевом пространстве, но нацеленные на вполне реальное политическое участие. При этом партии подобного типа уже не первый год пользуются достаточно серьезной электоральной поддержкой, пусть и не всегда устойчивой. В качестве примеров можно привести канадскую The Online Party of Canada (The Party for Accountability, Competency and Transparency), итальянскую политическую партию «Движение пяти звезд», исповедующую принципы прямой демократии и всеобщий доступ в интернет (еще в феврале 2013 г. на выборах в итальянский парламент получила более 25 % голосов избирателей). Партия «За лучшую Венгрию» на выборах в Национальное собрание в 2014 г. заручилась поддержкой более 20 % электората.

Большой популярностью также пользуются национальные пиратские партии, основным электоратом которых являются интернет-пользователи. Так, пиратская партия Германии в 2015 году добилась успеха на выборах местного уровня, получив 387 мандатов представительных органов муниципалитетов. В 2019 году пиратская партия Германии получила по итогам выборов в Европарламент 1 депутатский мандат. Пиратская партия Исландии, также пропагандирующая идеи прямой демократии, на выборах в национальный парламент в октябре 2016 г. получила около 14,5 % голосов избирателей и завоевала 10 из 63 мест в парламенте. В Чехии по итогам выборов в Палату депутатов в 2017 г. Чешская пиратская партия получила 10,8 % голосов избирателей, что позволило партии сформировать третью по численности фракцию из 22 человек. Более того, лидер партии Иван Бартош получил пост председателя Комитета по государственному управлению и региональному развитию. В 2018 г. в ходе муниципальных выборов Чешская пиратская партия завоевала 358 мест в муниципалитетах, включая пост мэра Праги. Уже в 2019 г. партия сумела получить почти 14 % голосов и три мандата по итогам выборов депутатов Европарламента. В целом на сегодняшний день мы можем наблюдать достаточно высокую активность национальных пиратских партий во многих странах Европы.

Следует отметить, что условия и факторы развития такого рода потенциала сетевых сообществ нуждаются в дополнительном детальном исследовании. Как демонстрирует актуальная практика, социальные медиа, виртуальные сетевые сообщества способны создать много информационного и дискурсивного «шума» в поле массового сознания и коллективных настроений, но каковы механизмы эффективного превращения этих «шумов» в стратегии консолидированных политических действий — до сих пор остается не вполне ясным.

В связи с этим «всесилие» сетевых сообществ в области реальной политики мы не можем постулировать аксиоматически. Более того, во многих случаях одни и те же акторы реализуют свои политические проекты как в офлайн-, так и в онлайн-пространстве, что приводит нас к необходимости сформировать позицию, в соответствии с которой содержательное противопоставление традиционного политического пространства и сетевого пространства политики представляется некорректным.

Единая живая ткань политического пространства не может быть разделена непосредственно на аналоговую и цифровую компоненты. Взаимопроникновение традиционных и сетевых акторов, их взаимное влияние друг на друга формирует уникальное «гибридное» пространство современной политики.

Например, нельзя согласиться с мнением некоторых специалистов, указывающих на ведущую роль социальных медиа в организации цветных революций. Очевидно, сетевая составляющая (в первую очередь в аспекте мобилизации протестных масс) сыграла важную роль в событиях «арабской весны», в Грузии, Украине и ряде других стран, однако без формирования и реализации вполне реальной, а не виртуальной политической ситуации (пусть и с активным использованием онлайн-технологий и сетевых ресурсов) демонтаж существовавших на тот период времени политических режимов был бы, по нашему мнению, невозможен, так как онлайн-мобилизация протеста далеко не всегда оборачивается готовностью выйти на улицы, оставаться там довольно долгое время, принимая активное участие в протестных акциях, и оказывать реальное воздействие на политический режим.

Тем не менее социальные сети, форумы, ресурсы блогосферы представляют широкие технологические возможности для осуществления политической информационно-коммуникационной деятельности. Например, технология хештегирования эффективным инструментом цифровой стигматизации, позволяющим осуществлять оперативное и масштабное «клеимение» своих оппонентов [Володенков, Федорченко, 2018].

Технология, созданная для облегчения структурирования информационных потоков, сегодня зачастую выступает в качестве манипулятивного инструмента управления моделями социально-политической реальности, позволяющего с помощью оценочных стигматов создать систему «свой — чужой» (например, #ватник — #укроп), задать определенную систему ценностно-смысловых координат в удобной, простой и наглядной форме.

В результате подобных процессов происходит глубокое разделение пользователей на локальные сетевые сообщества, имеющие собственные модели социально-политической реальности и способные в конкурентной борьбе транслировать и даже навязывать при соответствующем информационно-коммуникационном потенциале данные модели во внешнем пространстве.

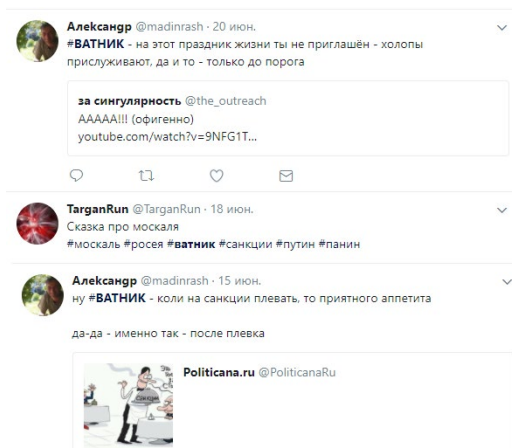

Рис. 6. Пример применения украинскими интернет-пользователями хештега #ватник для позиционирования россиян, как людей низшего сорта

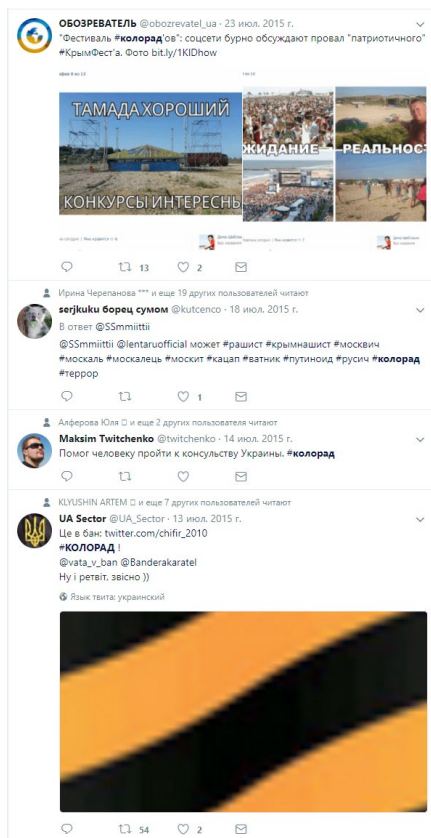

Рис. 7. Пример применения украинскими интернет-пользователями хештега #коларад в негативном контексте для стигматизации россиян

Гиперсообщества

Здесь возникает крайне важный вопрос, ответ на который пока не дан экспертами и учеными: каковы границы подвижности существующих в формате сетевых сообществ эхокамер? Каковы условия изменения подобных границ? Насколько и в каких случаях может меняться существующая структура сетевых сообществ?

Несмотря на свою замкнутость, обусловленную наличием устойчивых и закрытых моделей социально-политической реальности, собственных систем ценностно-смысловых и символических координат, сетевые сообщества в силу своей информационной активности при определенных условиях способны не глобально, но локально влиять на структуру сетевого пространства (в части функционирующих в нем сетевых сообществ).

Так, по поводу локальных событий, процессов, ситуаций и явлений во внешнем пространстве совокупности близких по своим ценностно-смысловым установкам и моделям восприятия социально-политической реальности сетевые сообщества могут создавать гиперсообщества, объединенные на локальном промежутке времени общими интересами (например, совокупность прогосударственных патриотических сообществ по поводу присоединения Крыма в 2014 г.) или общей общественно-политической активностью в формате флешмобов (например, сетевой флешмоб российских учителей с фото в купальниках, флешмобы в поддержку пострадавших от теракта в редакции газеты *Charlie Hebdo* и т. д.) [Володенков, Федорченко, 2015].

Таким образом, возникает мультипликативный эффект воздействия на публичное общественно-политическое пространство, позволяющий в ряде случаев не только оказывать существенное масштабированное давление на институты власти, но и осуществлять «заражение» информационного поля в интернете.

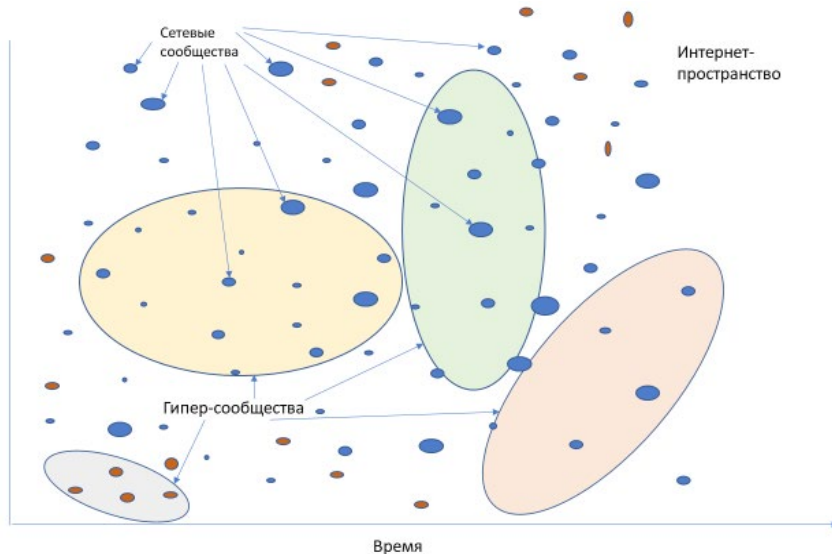

Рис. 8. Возникновение на протяжении определенных отрезков времени локальных сетевых гиперсообществ, объединяющих близкие по ценностно-смысловым характеристикам регулярные сетевые сообщества

Очевидно, что подобный эффект преимущественно локальный, однако, как показывает практика, при определенных условиях для дестабилизации общественно-политической ситуации достаточно именно локального мультиплицирования социально-политической напряженности.

Нам представляется, что проектирование локальных мультипликативных эффектов, основанных на создании временных гиперсообществ, объединяющих в себе совокупности схожих по своим идеологическим и социальным параметрам сетевых сообществ, позволяет в условиях современного информационного противоборства осуществлять эффективную дестабилизацию государственных политических систем для последующей реализации сценариев «цветных революций».

Как показывает анализ структуры российского сегмента интернета, существует значительное число дружественных друг другу сообществ, имеющих между собой определенные структурные сопряжения в виде устойчивого информационно-коммуникационного взаимодействия и взаимопересекающихся аудиторий, что позволяет не только высоко оценить потенциал формирования российских гиперсообществ в будущем, но и констатировать образование гиперэхокамер, в рамках которых формируются устойчивые системы ценностей и убеждений для значительных по своей численности аудиторий.

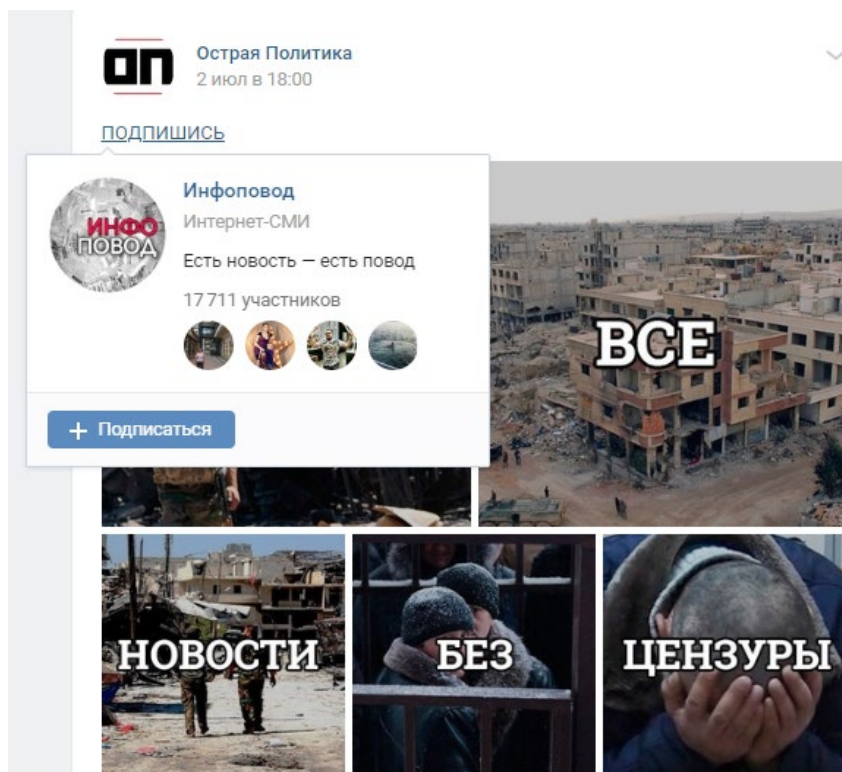

Рис. 9. Пример дружественных пабликов, схожих по ценностно-смысловым и идеологическим характеристикам, инициировавших перекрестную подписку между своими участниками

Анализ практики осуществления цветных революций также позволяет говорить, что подобные гиперэхокамеры формировались накануне массовых протестов, приведших к смене власти в ряде государств.

Но являются ли в данном случае сетевые сообщества самостоятельными акторами общественно-политических процессов? Ответ на данный вопрос скорее отрицательный. По нашему мнению, сетевые сообщества, а также формируемые на их основе гиперсообщества, являются лишь инструментами, необходимыми для реализации проектов Regime Change. Мы достаточно скептически относимся к возможностям самоорганизации независимых сетевых сообществ в самостоятельные гиперобразования. Более вероятным представляется сценарий искусственного конструирования гиперсообществ при помощи внешних инструментов структурирования интернет-пространства и обеспечения его псевдосамоорганизации. Масштабная и управляемая трансляция в интернете определенных ценностей, смыслов, символов и моделей социально-политической действительности позволяет обеспечить эффективное «цементирование» сетевых сообществ в единую гиперструктуру, которая в дальнейшем может использоваться на протяжении определенного времени в качестве инструмента трансформации политической системы государства.

Продвижение новых моделей цифровой демократии (мониторинговая демократия, экспертная демократия, демократия прямого действия) во многом представляет собой проекты по созданию управляемых гиперэхокамер в интересах акторов, обладающих глобальным доступом к сетевой информационно-коммуникационной инфраструктуре. Таким образом может обеспечиваться лояльность онлайн-пользователей и легитимность будущих цифровых режимов, основанных на информационно-коммуникационном взаимодействии в интернет-пространстве, даже если эти режимы не будут преследовать цели общественного развития и отражать интересы граждан.

Однако представленная нами позиция не является попыткой создания очередной «теории заговора». Как и в традиционном политическом офлайн-пространстве, в интернете сформирована высококонкурентная среда, в которой различные политические акторы вступают в конкурентные отношения за право трансляции собственных интересов и позиций в сетевых сообществах. И число таких акторов достаточно велико. Более того, в их число входят и новые субъекты, такие как крупные технологические корпорации, террористические организации и т. д. Каждый из них стремится к выстраиванию собственных сетевых структур и осуществлению влияния на существующие. Разнонаправленность процессов формирования гиперсообществ как инструмента информационного политического влияния во многом формирует механизмы балансировки сетевого пространства, не позволяя на сегодняшний день создать суперустойчивые во времени и пространстве сетевые гиперсообщества, однозначно доминирующие в глобальном масштабе.

Также мы допускаем возможность реализации и сценариев стихийного возникновения гиперсообществ (например, в случаях стихийных бедствий, террористических актов, катастроф, когда сетевая общественность активно реагирует на произошедшие события), однако подобные гиперобразования, как правило, также носят ситуативный и временный характер.

Big Data как ресурс цифровой политики

В аспекте появления все новых технологических возможностей информационно-коммуникационного влияния на онлайн-пользователей следует также принимать во внимание и технологический тренд, связанный с формированием пользовательских массивов данных — Big Data, позволяющих повышать эффективность таргетинга и обеспечивать создание информационных капсул для онлайн-пользователей с максимальным учетом их индивидуальных особенностей. Широкие технологические возможности по сбору и анализу пользовательских данных (так называемых цифровых следов) позволяют с высокой степенью детализации выявить структуру информационного потребления различных групп пользователей, их ценностные предпочтения, когнитивные особенности, психологические профили, поведенческие реакции граждан большинства стран [Kosinski et al., 2015].

Данное обстоятельство позволяет сформировать серьезный потенциал для информационно-коммуникационного воздействия, основанного не на гомогенном таргетинге по социальным характеристикам, но на новых многомерных критериях, позволяющих точно воздействовать на конечного пользователя или группу пользователей с учетом их индивидуальных особенностей восприятия информации.

Выделение целевых аудиторий не на основе их принадлежности к тем или иным социально дифференцированным сетевым сообществам, а на основе их психопрофилей, когнитивных моделей миропредставления, поведенческих профилей позволяет перевести информационно-пропагандистскую работу на новый качественный уровень, предполагающий обеспечение еще более закрытых эхо-камер, за пределы которых индивид уже не сможет выбраться самостоятельно (персонализированные рекомендации информационных общественно-политических ресурсов, поисковая выдача, новостная лента ресурсов социальных медиа, форматы информационных сообщений, контент информационных сообщений и т. д.) [Bolsover, Howard, 2017; Kosinski et al., 2015].

При достаточно высоком уровне программных алгоритмов, способных формировать и транслировать персональные цифровые информационные потоки в интернет-пространстве, максимально адаптированные к особенностям целевых аудиторий, интересующих политических акторов, конструирование индивидуальной или групповой информационной капсулы, предназначенной для отсеечения пользователей от реального мира, технически не представляется сверхпроблемой.

Тот же Facebook на начало 2016 г. присваивал каждому пользователю как минимум 98 маркеров. Среди них, помимо традиционных социально-демографических характеристик, присутствуют и такие как наиболее частые местоположения, этническая принадлежность, религиозные предпочтения, уровень доходов, любимые бренды, количество детей, площадь жилья, сфера занятости, возраст автомобиля, политические взгляды и многое другое. Подобные цифровые профили обладают потенциалом весьма точного определения индивидуальных особенностей личности в аспекте возможностей информационного воздействия на нее.

Как показали выборы президента США в 2016 г., подобного рода технологии, основанные на активном использовании цифровых профилей избирателей, могут

успешно применяться для осуществления убеждающей и зачастую манипулятивной коммуникации с целевыми группами населения¹.

В условиях, когда личные «умные» устройства пользователей становятся не столько инструментом для получения общественно-политической информации, сколько инструментом сбора персональных данных об индивиде и его сетевой активности, замкнутый каркас цифровых информационных потоков только укрепляется, актуализируя проблему реализации сценария тотального цифрового контроля за гражданами и формирования общества цифрового паноптикума, в котором лояльность того или иного пользователя, его готовность сделать свой политический выбор или осуществить определенное общественно значимое действие выступает не просто прозрачным параметром, характеризующим конкретного субъекта, но и результатом функционирования прогнозных программных алгоритмов, подразумевающих анализ персональной информации о каждом человеке [Kosinski, Stillwell, Graepel, 2013]². Как писал Б. Барбер, «если мы измеряем власть потенциалом монополий и контролем над информацией и коммуникациями, очевидно, что новые технологии могут стать опасным катализатором для тирании» [Barber, 1998—1999].

К такого рода программным технологиям мы можем отнести и нейросети, способные не только обрабатывать и анализировать массивы пользовательских данных, но и в дальнейшем самостоятельно генерировать персонализированные текстовые сообщения с учетом особенностей индивида, постоянно обучаясь на основе анализа ответных реакций пользователя в сети и оптимизируя свой прогностический и пропагандистский потенциал, в том числе в режиме роевого мышления.

В связи с этим мы можем предположить в среднесрочной перспективе реализацию сценария, связанного с автоматизацией информационно-коммуникационного воздействия на индивидов и группы пользователей, основанного на сборе, обработке и анализе при помощи программных нейросетевых самообучающихся алгоритмов пользовательских цифровых следов. При этом речь идет не о классическом воздействии на массовое сознание, а именно о таргетированном воздействии на групповое и индивидуальное сознание, включая формирование индивидуальных и групповых (в зависимости от целей проекта) информационных капсул.

Очевидно, что целевые показатели функционирования подобных алгоритмов могут быть связаны не с общественными интересами, но с интересами представителей политической элиты, обладающих доступом к цифровой информационно-коммуникационной инфраструктуре — «дейтократов».

И здесь необходимо уделить внимание такой проблеме, как формирование общества цифрового неравенства. Если ранее под цифровым неравенством подразумевался неравномерный доступ к каналам потребления информации, то сегодня мы считаем возможным в качестве потенциальной угрозы определить вероятность формирования цифровых классов, обладающих не столько разным

¹ Расследование Das Magazin: как Big Data и пара ученых обеспечили победу Трампу и Brexit [Электронный ресурс] // The Insider. 2016. URL: <http://theins.ru/politika/38490> (дата обращения: 19.09.2019).

² См. также: Gourley S. (2015) Get ready for the robot propaganda machine // WIRED. URL: <http://www.wired.co.uk/article/robot-propaganda> (accessed: 19.09.2019).

уровнем доступа к информационно-коммуникационным каналам, сколько разным уровнем доступа к большим данным, а также разным уровнем компетенций в использовании Big Data.

Неслучайно Л. Манович в своей работе выделяет появление нового социального феномена — дата-классов [Manovich, 2018].

Мы можем выделить такие различные по своим возможностям и компетенциям дата-классы, как:

— владельцы цифровых ресурсов, позволяющих осуществлять сбор пользовательских данных и формирование их цифровых профилей;

— владельцы баз данных, включающих в себя цифровые данные о пользователях;

— владельцы алгоритмов по обработке, анализу и интерпретации данных пользовательских профилей, а также конструированию программ убеждающей коммуникации и пропаганды, прогнозированию пользовательского поведения на основе имеющихся данных;

— непосредственно пользователи, не обладающие компетенциями работы с Big Data, генерирующие цифровые персональные данные о себе и являющиеся объектами информационно-коммуникационного воздействия со стороны политических акторов;

— «дейтократы» — представители элиты, обладающие возможностями контроля и использования всех описанных выше групп в собственных интересах.

Как показывает анализ современной практики, при формировании дейтократии высока вероятность сращивания традиционной политической элиты с элитой технологической. Взаимное проникновение представителей политических групп интересов и глобальных технологических корпораций в сферы политики и крупного бизнеса стало очевидной тенденцией.

В связи с этим мы можем предположить, что в условиях подобного технологического и компетентностного разрыва повышается вероятность установления режимов цифровой диктатуры, основанных на тотальном контроле цифрового пространства, без свободного доступа к которому современный человек не имеет возможностей для эффективной реализации своего потенциала и сколь-либо успешного развития в любой сфере жизнедеятельности, включая общественно-политическую.

Появление виртуализированного общества неравных цифровых возможностей, управляемого в режиме цифрового паноптикума глобальной либо национальной дейтократией, может стать, по нашему мнению, одним из возможных сценариев стремительной цифровизации традиционного пространства общественно-политических коммуникаций. Следует отметить, что, несмотря на указанные риски, мы во многом поддерживаем следующую позицию Б. Барбера: «пока нельзя говорить, что значение технологий полностью осмысленно, что технологии аннулируют все планы, идеи и человеческие институты и пишут собственную историю независимых человеческих устремлений. Технологии сделают зависимыми наши политические и социальные институты только в той степени, в какой мы их будем использовать. Миф о том, что результаты науки со временем поработают их создателей, не является единственным в дилеммах современных технологий. Скорее мы должны

воспринимать технологический детерминизм как один из сценариев, который зависит по меньшей мере от того, какой выбор мы сделаем относительно использования технологий» [Barber, 1998—1999].

От эпохи глобальных СМИ к эпохе цифрового разделения общества

Говоря о возможной эволюции цифрового общества, отметим, что один из вызовов, о котором ученые и специалисты говорят уже достаточно давно, но который приобретает все большую актуальность, является его виртуализация и симулякризация. Все большую роль в процессах общественно-политической коммуникации начинают играть цифровые репрезентации реальных политических акторов, оказывающие при этом вполне реальное влияние в публичном пространстве политики.

Какова будет роль реальных политиков, обладающих реальными компетенциями и качествами в реальном мире, и нужны ли вообще будут живые политики, не займут ли их место программные симуляции, способные в режиме реального времени выстраивать персональное информационно-коммуникационное взаимодействие онлайн с каждым индивидом с учетом его субъективных особенностей и предпочтений — данные вопросы представляются крайне актуальными.

Достаточно рассмотреть один аспект цифровой виртуализации публичного пространства современной политики — активное внедрение в актуальную практику политических голограмм, причем как со стороны политиков, так и со стороны гражданских активистов. Очевидно, что, несмотря на виртуальный характер голограммы, она приобретает все большую функциональную значимость в реальных общественно-политических процессах, выступая в качестве инструмента репрезентации общественно-политических акторов [Федорченко, 2018], а также средства политической агитации, пропаганды и вербовки сторонников.

Рис. 10. Кандидат в президенты Франции Жан-Люк Меланшон использует голограмму для агитации избирателей одновременно на шести митингах³

³ Источник: L'hologramme de Mélenchon, mode d'emploi. URL: <http://www.leparisien.fr/elections/presidentielle/l-hologramme-de-melenchon-mode-d-emploi-18-04-2017-6864120.php> (дата обращения: 21.09.2019).

Рис. 11. Пример организации голографической акции протеста в Мадриде⁴

По нашему мнению, такого рода голографические репрезентации в цифровой среде способны успешно замещать реальных политиков для большинства интернет-пользователей в агитационно-пропагандистском смысле. Безусловно, появление и активное внедрение в политическую практику политических голограмм не отменяет того факта, что в реальном пространстве политики на выборах голосуют живые люди, они же платят или не платят налоги, сидят в тюрьмах, выходят на улицы, закладывают бомбы под машины или отказываются подчиняться властям.

Однако здесь необходимо принять во внимание теорему Томаса, согласно которой «если люди определяют ситуации как реальные, они реальны по своим последствиям» [Merton, 1995]. В соответствии с данной теоремой мы предполагаем, что если представление о политической ситуации или событии (включая симулякры ситуаций и событий), сформированное на основе восприятия голограммы, для целевых аудиторий реально, то реальными могут быть и политические последствия, включая политическое поведение граждан, потребляющих голографический (в том числе манипулятивный) контент.

Мы считаем, что создание персональных голограмм на «умных» устройствах пользователей для таргетированной индивидуальной и групповой политической коммуникации, включая голограммы-симулякры, — это вопрос уже ближайшего будущего. При этом технологическая доступность конструирования виртуальных цифровых образов, замещающих политиков в публичном пространстве, теоретически доступна не только для традиционных институтов власти, но и для неинституциональных акторов, например, международных террористических организаций, активно использующих цифровое пространство для продвижения и популяризации своих идей, а также осуществления вербовки новых участников.

По нашему мнению, речь может идти о возвращении к визуальной трансляции контента, аналогично появлению и развитию телевизионного вещания, но уже

⁴ Источник: Spain's hologram protests. URL: <https://www.opendemocracy.net/en/can-europe-make-it/spains-hologram-protests/> (дата обращения: 21.09.2019).

на новом уровне технологического развития с возможностями персонализированного и информационно-коммуникационного воздействия (индивидуальные телеканалы, личный телевизор). При этом спектр субъектов такого рода информационной работы значительно расширяется, и технологии прямой коммуникации с пользователями уже не являются прерогативой одного лишь государства или политических элит, как это было ранее.

С одной стороны, это обстоятельство значительно повышает конкуренцию в публичном онлайн-пространстве, потенциал продвижения альтернативных моделей социально-политической реальности для тех акторов, которые обладают соответствующими технологическими, инфраструктурными и компетентностными возможностями, но с другой — может при определенных условиях формировать эффекты информационной перегрузки, информационного хаоса, противоречивой картины мира, что лишь усиливает желание рядового гражданина пользоваться привычными, простыми и непротиворечивыми объяснительными моделями действительности, укладывающимися в его ценностно-смысловую парадигму.

Во многом данные разнонаправленные тенденции компенсируют друг друга, однако речь идет не о достижении баланса, а о дифференциации и появлении различных по способам и структуре информационного потребления групп людей: тех, кто готов потреблять готовые объяснительные модели социально-политической реальности в закрытых информационных капсулах (включая и персональные), отвечающих их базовым ценностно-смысловым и символическим предпочтениям, когнитивным паттернам, активно поддерживаемым в уже сложившихся эхокамерах, и тех, кто, обладая высокой «подвижностью», способен самостоятельно выбирать информационные каналы и самостоятельно формировать объемные картины мира на основе критического осмысления разнообразных потоков информации в цифровом пространстве.

В данном случае мы акцентируем внимание на возможности появления существенных различий в понимании мира и его общественно-политической оценке со стороны различных групп пользователей как на основе принадлежности к разным информационным капсулам, так и на основе различий в способах потребления информации, о которых мы вели речь выше. Подобная дифференциация групп населения может напрямую провоцировать появление устойчивых и долгосрочных противоречий внутри общества, приводя к элиминации возможностей достижения общественного консенсуса.

Иными словами, нельзя исключать вероятность того, что технологические возможности таргетированной работы по формированию дифференцированных социально-политических групп в онлайн-пространстве при определенных условиях могут преобладать над возможностями общественной консолидации, оказывая влияние на процессы устойчивого общественно-политического развития современных государств в условиях цифровизации публичного пространства современной политики.

Заключение

Очевидно, приведенные нами в работе сценарии и вызовы в общественно-политической сфере не являются исчерпывающими. Тем не менее даже обозна-

ченный нами круг вопросов позволяет сделать вывод, что на сегодняшний день в сфере развития современных технологий интернет-коммуникаций формируется достаточно широкий спектр вызовов, требующих серьезнейшего научного осмысления и перманентного обсуждения представителями экспертного сообщества социальных наук.

Также существует значительное число сценариев технологической эволюции интернет-пространства и напрямую связанных с ними векторов трансформации традиционных общественно-политических процессов, предъявляющих особые требования как к ученым, так и к политикам. Риски и угрозы, связанные с возможностями формирования обществ цифрового неравенства и политических режимов, основанных на тотальном цифровом контроле и программно-алгоритмической виртуализации политической реальности, порождают новые задачи для экспертов и специалистов в социально-политической сфере.

Безусловно, мы не пытаемся наделять технологическое развитие современного общества исключительно отрицательным потенциалом, так как очевидно, что новые цифровые информационно-коммуникационные технологии имеют и значительный положительный потенциал для общественного развития. Однако, как справедливо указывает Б. Барбер, «нет более опасной тирании, чем невидимая и мягкая тирания, где субъекты принимают участие в своем обмане, где порабощение является продуктом обстоятельств, а не результатом стремления. Технология не должна неизбежно разрушать демократию, но ее потенциал мягкого доминирования не может оставаться без внимания» [Barber, 1998—1999].

Изменения в сфере коммуникационных технологий объективно и неизбежно будут приводить и к существенным изменениям в пространстве традиционной политики. И то, в чьих интересах и в каких форматах будут происходить такого рода изменения, во многом способно определить вектора общественно-политического развития, которые зададут формы существования политических режимов и государств ближайшего будущего.

Список литературы (References)

Арендт Х. Массы и тоталитаризм // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 2. С. 24—31.
Arendt H. (1992) *Masses and totalitarianism. Questions of Sociology*. Vol. 1. No. 2. P. 24—31. (In Russ.)

Володенков С. В., Федорченко С. Н. Цифровые стигматы как инструмент манипуляции массовым сознанием в условиях современного государства и общества // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 117—123. <https://doi.org/10.31857/S013216250002791-3>.

Volodenkov S., Fedorchenko S. (2018) Digital Stigmata as a Tool of Manipulating Mass Consciousness in the Conditions of Modern State and Society. *Sociological Studies*. No. 11. P. 117—123. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S013216250002791-3>.

Володенков С. В., Федорченко С. Н. Флэшмоб как сетевая технология современного политического менеджмента (на примере России и США) // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал).

2015. № 3. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/695> (дата обращения: 30.04.2019).

Volodenkov S. V., Fedorchenko S. N. (2015) Flash mob as network technology of modern political management (on the example of Russia and the United States). *Bulletin of the Moscow Region State University (electronic journal)*. No. 3. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/695> (accessed: 30.04.2019). (In Russ.)

Федорченко С. Н. Политическая голограмма: новая возможность коммуникации или скрытая угроза 3D манипулирования цифровым обществом? // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2018. № 2. С. 189—203. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2018-2-896>.

Fedorchenko S. (2018) Political hologram: a new possibility of communication or phantom menace 3D handling a digital society? *Bulletin of Moscow Region State University (electronic journal)*. No. 2. P. 189—203. (In Russ.) <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2018-2-896>.

Barber B. R. (1998—1999) Three Scenarios for the Future of Technology and Strong Democracy. *Political Science Quarterly*. Vol. 113. No. 4. P. 573—589. <https://doi.org/10.2307/2658245>.

Bolsover G., Howard P. (2017) Computational Propaganda and Political Big Data: Moving Toward a More Critical Research Agenda. *Big Data*. Vol. 5. No. 4. P. 273—276. <https://doi.org/10.1089/big.2017.29024.cpr>.

DeFleur M.L., Ball-Rokeach S.J. (1989) *Theories of Mass Communication*. 5th edition. New York, N.Y.; London: Longman.

Hardt M., Negri A. (2004) *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*. New York: Penguin Press.

Innis H. A. (1972) *Empire and Communications*. Toronto: University of Toronto Press.

Innis H. A. (1999) *The Bias of Communication*. Toronto: University of Toronto Press.

Kosinski M., Matz S. C., Gosling S. D., Popov V., Stillwell D. (2015) Facebook as a research tool for the social sciences: opportunities, challenges, ethical considerations, and practical guideline. *American Psychologist*. Vol. 70. No. 6. P. 543—556. <https://doi.org/10.1037/a0039210>.

Kosinski M., Stillwell D., Graepel Th. (2013) Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. Vol. 110. No. 15. P. 5802—5805. <https://doi.org/10.1073/pnas.1218772110>.

Manovich L. (2018) The Science of Culture? Social Computing, Digital Humanities and Cultural Analytics. <https://doi.org/10.22148/16.004>.

Merton K. (1995) The Thomas Theorem and The Matthew Effect. *Social Forces*. Vol. 74. No. 2. P. 379—424.

Petrov A., Proncheva O. (2018) Modeling Propaganda Battle: Decision-Making, Homophily, and Echo Chambers. In: Ustalov D., Filchenkov A., Pivovarova L., Žižka J. (eds) Artificial Intelligence and Natural Language. AINL 2018. Communications in Computer and Information Science. Vol. 930. Springer, Cham. P. 197—209. https://doi.org/10.1007/978-3-030-01204-5_19.

Sunstein C. R. (2001) Echo chambers. Princeton: Princeton University Press.